

Экскурсия по Перми литературной: улица Сибирская (от улицы Ленина до улицы Монастырской).

1 Почтамт

Литературную экскурсию по Перми мы предлагаем начать от здания главпочтамта. Здесь установлен памятный знак «Нулевой километр», который может служить точкой отсчета для любого маршрута. Так, если вы планируете поездку в Москву, то вам предстоит преодолеть расстояние в 1300 верст, а вот совершить путешествие во времени в век 19 и век 20-й – значительно проще и быстрее.

Итак, назначайте встречу друзьям и отправляйтесь на литературную прогулку по Перми, протяженностью ... три квартала. Ваш маршрут пройдет по улице Сибирской: от улицы Ленина до сквера Решетникова.

Совершать экскурсию по литературным местам Перми будет интересней, если вы возьмете с собой книги.

Это могут быть

«В лампаде камских вод звезда» (антология пермской поэзии конца 18 – начала 20 вв.),

«Времена» Михаила Осоргина,

«Путь энтузиаста» Василия Каменского,

«Детство Люверс» Бориса Пастернака и др.

В пути будет приятно почитать друзьям любимые стихи и, может быть, заново открыть для себя, казалось бы, такой знакомый город.

Книжный магазин Ю.И. Пиотровского - улица Сибирская, 6

От главпочтамта переходим (по светофору!)

к театральному скверу. Оглянитесь назад: перед вами - Центральный гастроном.

В 1876 году в этом здании (тогда оно было еще двухэтажным) был открыт первый в нашем городе книжный магазин, магазин Юзефа Юлиановича Пиотровского, который на протяжении нескольких десятилетий являлся центром культурной жизни Перми, он, во многом, формировал читательские и эстетические вкусы пермяков. Здесь можно было узнать не только о книжных новинках, но и о новостях культуры, купить билет на музыкально-литературный вечер, познакомиться с репертуаром городского театра. В этом здании проходили и первые в Перми синематографические сеансы.

2

Владельцами этого дома были крупные предприниматели и заводчики отец и сын Ковальские. В марте 1901 года им нанес визит Александр Грин (тогда еще Александр Гриневский). К Ковальским ему посоветовал обратиться отец, хорошо знавший главу этого семейства.

От Ковальских Александр получил рекомендательную записку к вагонному мастеру железнодорожного депо с просьбой дать ему работу, а также деньги, на которые он снял в Перми комнату.

3

Казенная палата - ул. Сибирская, 15

На противоположной стороне улицы Ленина расположено строгое здание администрации города Перми. В 19 веке оно также было двухэтажным, и здесь располагалась Пермская губернская Казенная палата. Ее чиновники не только следили за поступлениями в казну, ведали государственным имуществом, но были и большими любителями чтения. В 1861 году на собственные средства они создали библиотеку. На должность помощника библиотекаря пригласили Ф.М. Решетникова. В стенах этой библиотеки он работал над статьями для «Пермских губернских ведомостей», повестью «Подлиповцы», которая принесла ему всероссийскую славу.

Пермские чиновники были большими поклонниками поэзии, многие из них и сами являлись авторами талантливых стихотворений. В 1840-е гг. Казенную палату возглавлял Василий Евграфович Вердеревский. Его стихи и переводы можно было встретить на страницах таких популярных изданий, как «Полярная звезда» и «Северные цветы». В 1847 г. по приглашению В.Е. Вердеревского в Пермь приехал его племянник - Евграф Алексеевич Вердеревский, который занял должность чиновника для особых поручений в канцелярии губернатора. К этому времени он также был уже хорошо известен в литературных кругах России

Не требуйте от северных морей
Неутомимого, немолчного движенья,
Ни блеска вечного под заревом лучей,
Ни постоянного и звучного течения:

Долго дремлет наше море,
Льдами кроется оно;
На большом его просторе
Снеговое полотно
Расстилается полгода,
И до срока, до весны,
Ясный день и непогода
Чужды скрывшейся волны.
Но когда весна обнимет
Землю юной красотой –
Снежный саван море снимет
И заблещет, и поднимет
Пробужденный ропот свой...

Е.А. Вердеревский. До весны!
1850, Пермь

Василий Евграфович и Евграф Алексеевич Вердеревские
были неизменными участниками музыкально-поэтических
вечеров в Перми.

В разные годы в Пермской Казенной палате служили
популярные в Перми авторы стихов, эпиграмм и фельетонов-
Василий Феонов, Николай Перцов, Сергей Ильин. Их стихи
позволяют говорить о том, что публика эта была достаточно
вольнолюбива.

О, чудотворец наш Кирилл!

В Перми ты много натворил:
От Егошихи и до Слудки
Построил тротуары в сутки,
Наставил будок среди улиц,
Велел брать в часть коров и куриц,
Вскопал столбы для фонарей,
Завел пожарных лошадей...
Воздвиг ротонды, пирамиды –
Ну, просто прелесть, что за виды!
Неаполь, Греция и Рим –
Мы знать вас больше не хотим!

В.Т. Феонов. Эпиграмма «Пермскому губернатору К. Тюфяеву»
1824, Пермь

Дышит ночь прохладой,
Месяц дышит сном.
Негой и отрадою
Дышит все кругом.
Полумрак заманчивый,
Света перелив,
На реке обманчивый
Месяца отлив.
Тихий, замирающий
Плеск вдали ручья,
Рядом вызывающий
Рокот соловья!

Н. Перцов
1899, Пермь

В мае 1837 г. в здании Казенной палаты останавливался Александр Николаевич Романов, будущий император, совершавший свое путешествие по России. Его сопровождал наставник, поэт В.А. Жуковский, для которого, как и для всей свиты, были подготовлены комнаты в Гостином дворе.

Находился он на месте нынешнего театрального сквера. В Перми Жуковский пробыл два дня. За это время посетил выставку народных промыслов, ряд богоугодных и учебных заведений, в т.ч. и мужскую гимназию.

Сохранились дневниковые записи, сделанные Жуковским в Перми. Сам дневник был опубликован в журнале «Русская старина» в 1902-1903 гг.

В.А. Жуковский был не только талантливым поэтом, но и интересным рисовальщиком. Во время поездки по России им было сделано 176 карандашных рисунков, в т.ч. 49 на Урале. Они хранятся в Петербурге в Русском музее и представляют большую ценность не только потому, что их автором является классик русской литературы. Эти рисунки интересны еще и потому, что Урал тогда рисовали мало, а фотография еще не получила большого распространения в России.

Пермская мужская гимназия образца 1837 года не произвела большого впечатления на В.А. Жуковского. Но со временем она станет одним из лучших учебных заведений Перми, центром литературной жизни города. В ней преподавали в разные годы В.Т. Феонов, Н.С. Попов, В.Г.Варенцов, П.Е. Размахнин, П.И. Мельников-Печерский. Эти имена были хорошо известны читающей Перми

Прекрасно жить на воле!

Собака встретила однажды Волка в поле,
Который с голода едва не умирал
И ноги чуть передвигал,
Взвывая изредка уныло,
Что сострадание в собаке возбудило.
Она идет к нему, вступает в разговор:
- Ты жалок, Волк! По чести,
Скажу тебе без лести
И, право, не в укор,
Какая жизнь в лесах?
С утра до вечера все рыскай;
Ищи добыч, терпи невольный страх.
О, жребий слишком низкий!
То ль дело в барском мне дворе!
Гложи любые кости!
А как приедут гости,
В прихожей знай лижи тарелки на ларе.
Забот – спокойно спи весь день.
Когда же черна ночь на землю бросит тень,
Часа два только дом обегаешь, облаешь
А там опять спокойно засыпаешь.
А спать на сеннице! Простор!
Достойна зависти моя судьбина!
Оставь лесную жизнь, иди на барский двор!
Поверь мне, право, служба – вздор!
- Все хорошо, но ты имеешь господина.

П.Е. Размахнин. Собака и волк.
1832

В этой гимназии учились будущие талантливые литераторы Алексей Протейкинский, Наркиз Чупин, Николай Новиков-Черешнев, Михаил Осоргин (Ильин), Сергей Ильин. Выпускником Пермской гимназии был и Иван Свиязев, которого в Перми знали и любили не только как талантливого архитектора, но и как замечательного поэта.

В альбом стихов ни разу
Я в жизни не писал;
По вашему приказу
Перо лишь в руки взял.
Коль выйдет неудача,
Не я в том виноват,
Тому легка задача,
Кто Фебу кум иль сват.
Но мне, не быв Поэтом,
Как угодить для вас?..
Не скроешь перед светом,
Обычай есть у нас:
Лишь за альбом руками,
Тут похвалы и лесть
И прозой и стихами
Хозяйке льются в честь;
Но льстить мне не годится:
Я зодчий, не Поэт,
А зодчий лишь гордится
Итогом верным смет...

И.И. Свиязев. В альбом.
1826, Пермь

Как-то раз перед толпою
Соплеменных гор, У Казбека с Шат-горою
Завязался спор.
«Берегись!» - сверкнув очами,
Молвил старый Шат:
«Старше я тебя годами
Да и чином, брат!
Чем ты взял? Твоей Исетью?
Тем, что ты – богач?
Электрическую сетью?
Красотою дач?
Жизнью ль общества гуманной
Ты хвастнуть готов?
Или щедростью карманной
Пьяненьких купцов?
Так-то, брат! Уж ты не суйся,
В спор со мной не лезь,
Лучше молча полюбуйся,
Как я важен здесь.
Я, вот к новому столетию –
Побожусь в том –
Электрическую сетью
Обложусь кругом,
Биржу славную устрою
И водопровод,
Даже новой мостовую
Удивлю народ;
А потом, могу ручаться,
Не пройдет трех лет –
В центре будет красоваться
Университет!»...
С этим словом пятисложным
Смолк начальник гор
И – молчаньем осторожным
Завершился спор.

С. Ильин. Пермь и Екатеринбург (Подражание Лермонтову).
1905

На здании, в котором располагалась гимназия (сейчас это один из корпусов медицинской академии), установлена мемориальная доска в память ее великого выпускника М.А. Осоргина. В 1922 году он вместе с большой группой русской научной и творческой интеллигенции на знаменитом «философском» пароходе» вынужден был покинуть Россию. В эмиграции М.А. Осоргин станет одной из самых ярких фигур русского литературного зарубежья, признанным прозаиком и эссеистом.

Многие страницы автобиографического повествования Осоргина «Времена» посвящены Перми.

«Я радуюсь и горжусь, что родился в глубокой провинции, в деревянном доме, окруженном несчитанными десятинами, никогда не знавшими крепостного права... Мы, тутошние, рождались в просторе, ковшами пили воздух и никогда не считали себя ни царями, ни рабами природы, с которыми жили в веками договоренной дружбе». Осоргин вспоминает время учебы в пермской гимназии, неизменные атрибуты формы гимназистов - «фуражку с огромной тульей и гербом, ... длинное, на рост, пальто, в полах которого путались ноги, грубой шерсти башлык, который у маленьких напяливался на фуражку, а у семиклассных и восьмиклассных стариков заменялся белым, кокетливым и красивым, треугольно опускавшимся на спину... Ноги зимой в глубоких резиновых калошах, хотя и в них пальцы зябли, не то что в валенках, не полагавшихся по форме...

Мы обламывали зубы о латинские и греческие орехи, склоняли, спрягали, учили назубок исключения, старались запомнить, сколько легионов отправлено Цезарем туда-то, ... мы навсегда отпечатали в мозгу Пифагоровы штаны...

В изучении российской словесности мы были прочно прихлопнуты крышкой гоголевской Коробочки, зная по слухам, что Гончарова звали Иваном Александровичем, а Кольцов был прасолом... Но было во всем этом одно преимущество: полное сознание, что гимназия не способна ничему научить и что поэтому каждый, не желающий остаться неучем, должен учиться сам, не считаясь с программами...». И гимназисты учились, читая книги. «Дважды, а летом и трижды в неделю мы читаем вслух русских классиков ...

Впрочем, мы читали и критиков, так что понемногу стали разбираться в ценностях: все-таки Лермонтов, знаете ли, - не Пушкин!... К Тургеневу мы питали искреннее расположение; с ним было просто, - улыбающийся и радушный человек, охотник, любитель природы; ... Несколько месяцев подряд мы читали двадцать четыре тома Достоевского, от «Бедных людей» до «Дневника писателя», - тяжелые месяцы моей юношеской жизни, полные первых нечистых мыслей, на какие ни один другой писатель не наводил; к счастью, мы читали его больше летом, в дни каникул, когда можно было купаться, а воздух закамского берега смывал с души липкий налет... Нашим любимцем... был в то время Гончаров, спокойный и чистый, уверенный рассказчик... Когда же приходил к нам неистовый Виссарион Белинский, мы слушали его с жадностью.... Оценки Белинского казались нам непреложными... В последний год мы читали Толстого, - и все, раньше нами прочитанное, отошло на задний план... Толстой не приходил к нам, как другие; от царил где-то над нами, в величавых пространствах... Даже с его героями нельзя было обращаться запросто, как с Обломовым, Лаврецким, как с Онегиным, Печориным и даже Гамлетом и Тенью его отца...»

Женская гимназия - ул. 25 октября, 12

Не менее интересным учебным заведением была и женская Мариинская гимназия (она располагалась в здании, которое сегодня занимает сельскохозяйственная академия – ул. 25 Октября, 12. По воспоминаниям современников, самой популярной фигурой в этой гимназии был учитель чистописания, поэт Михаил Афанасьевич Афанасьев. На его уроках ученицы переписывали стихи своего учителя и заучивали их наизусть. К сожалению, архив М.А. Афанасьева не сохранился. До нашего времени дошли лишь фрагменты его стихотворений. Так, растроганный вниманием, которые оказали ему пермяки в день 50-летия со дня рождения, он писал:

Ему дарит свою улыбку
Дитя, протягивая лапку,
И приветствует также взрослый,
И очень высокий, и низкорослый
Все в одинаковой мере
Оказали ему доверье.

В Мариинской женской гимназии училась и будущая поэтесса Евгения Федоровна Трутнева.

Под ногой похрустывают льдинки,
Ничего не видно. Темнота.
И шуршат листочки-невидимки,
Облетая с каждого куста.
Осень ходит по дорогам лета,
Все притихло, отдыхать легко.
Только в небе празднично от света –
Небо все созвездия зажгло! ...
С золотыми листиками схожи,
Звезды с неба сыплются... летят...
Будто в темном, звездном небе тоже
Наступил осенний листопад.

Ю.Трутнева. Листопад

6 Театральный сквер

Пермскую мужскую и Мариинскую женскую гимназии разделял театральный сквер. Летом здесь работал фонтан, разбивали красивые клумбы, по праздникам играл оркестр. В зимнее время на площади у театра заливался каток. «Губы гарнизонных музыкантов прилипали на морозе к медным трубам, у мальчиков, бегавших «гигантским шагом», свистал пар из обеих ноздрей. Я тоже умел выделять на льду фигуры и однажды шлепнулся к ее ногам; возможно, что ее звали Женей или Катенькой, точность уже не важна...», - вспоминал Михаил Осоргин. Здесь на катке назначали свидания, после катка предоставлялась счастливая возможность проводить девочку до дома. «В пятнадцать лет – мой первый роман. Неуклюже сталкиваются руки, пальцы жмут пальцы с боязливой осторожностью, и в долгих прогулках (зимой ноги превращаются в ледышки) мы говорим обо всем, кроме любви. Но, расставаясь, мы обмениваемся записками, сложенными в комочек, где сказано все – и как сказано! С каким литературными оборотами, с какой глубиной чувств, с каким красивым обнажением души... Затем новая встреча, рукопожатие, разговор о пустяках, нравится ли вам Достоевский...».

А еще гимназисты с удовольствием посещали церковь при гимназии. «Церковь была для нас привлекательна тем, что в нее приводили гимназисток; налево ряды наши, направо – их. Мы красовались и переглядывались. Особым шиком было прислуживать в церкви, стоять в алтаре, выходить с кружкой и проходить по рядам гимназисток. Из алтаря было удобно подглядывать в щелочку, и мы пользовались разрешением посещать алтарь». Местом встречи гимназистов и гимназисток нередко был городской театр, правда, посещать его разрешалось лишь ученикам старших классов.

Памятник Борису Пастернаку

Проходя по театральному скверу, непременно остановитесь у бюста лауреата Нобелевской премии Бориса Пастернака. Его установке предшествовали жаркие дискуссии о том, каким быть этому памятнику. Победил проект московского скульптора Елены Мунц. Перед нами скульптурный портрет юноши. На нем кашне, свитер с высоким воротом. Взгляд его устремлен вдаль. Таким увидела Пермь Пастернака в 1916 году, когда он по служебным делам приезжал в город из Всеволодо-Вильвы, где с января по июнь 1916 служил на химических заводах Саввы Морозова. Позднее он назовет это время одним из лучших времен своей жизни. Из впечатлений первой встречи с Уралом, фантастической картины рождения утра родится его стихотворение «Урал впервые»

Без родовспомогательницы, во мраке, без памяти,
На ночь натыкаясь руками, Урала
Твердыня орала и, падая замертво,
В мученьях ослепшая, утро рожала.

Гремя опрокидывались нечаянно задетые
Громады и бронзы массивов каких-то.
Пыхтел пассажирский. И где-то от этого
Шарахаясь, падали признаки пихты.

Коптивший рассвет был снотворным. Не иначе:
Он им был подсыпан – заводам и горам –
Фабричным, печным, злоязычным Горынычем,
Как опий попутчику опытным вором.

Очнулись в огне. С горизонта пунцового
К лесам подползал океан коронаций,
Лизал им подошвы и соснам подсовывал
Короны и звал их на царство венчаться!

И сосны, повстав, и, храня иерархию
Мотхнатых монархов, вступали
На устанный гневным оранжевым бархатом
Покров из снегов и сусали...

Когда любишь свой город, то всегда хочется наполнить его новыми смыслами, поэзией, и тогда мы даем волю своей фантазии и начинаем переносить в этот город действие любимых нами книг. И, удивительно, от этого он становится нам интересней и роднее. Так произошло и с романом Бориса Пастернака «Доктор Живаго».

Сегодня большинство из нас убеждено в том, что Юрятин – романное название именно нашего города (хотя на это претендуют и другие российские города).

Мы находим в Перми дом Лары, и уверены в том, что читальный зал библиотеки Пушкина – это как раз та самая читальня, где произошла встреча Лары и Юрия Живаго.

8

Дом Смышляева - ул. Сибирская, 11

У здания, которое занимает сегодня библиотека им. Пушкина, интересная история. Оно было построено более двухсот лет тому назад купцом Иваном Жмаевым, позднее этим зданием владели предки знаменитого Сергея Дягилева, последним частным владельцем дома был Дмитрий Смышляев. Все владельцы дома были людьми просвещенными. Дмитрий Васильевич Дягилев являлся постоянным автором журнала «Иртыш, превращающийся в Ипокрену». В этом доме собиралась местная интеллигенция, здесь велись разговоры о литературе и музыке, устраивались балы. На одном из таких балов в 1808 году танцевал юный Петр Вяземский.

В Перми Вяземский был очарован Софьей Певцовой, дочерью губернатора Карла Модераха

Кто скажет, что к Перми судьба была сурова?
Кто скажет, что забыт природой этот край
Страна, где ты живешь, прекрасная Певцова,
Есть царство красоты и упоений рай!
Что мне роскошный юг, и мирт его, и розы,
И нега, и лазурь дней южных и ночей?
Мне нравятся снега, и вьюги, и морозы:
Они сопутники красавицы моей.
Они господствуют над сердцем и природой,
Из глаз ее на все текут струи огня.
Здесь я любовь познал, здесь, жертвуя свободой,
Томясь, целую цепь, сковавшую меня.
1808

В этом доме всегда были библиотеки с прекрасным книжным собранием: вначале - библиотеки частных владельцев, в 1885 году здесь разместилась общественная публичная библиотека, затем губернская, областная, которой в 1928 году было присвоено имя А.М. Горького. В годы Великой Отечественной войны в здании библиотеки хранились уникальные фонды эвакуированной из Москвы библиотеки им. Ленина. В составе этих фондов были и архивы Гоголя, Лермонтова, Чехова. А в залах самой библиотеки проходили литературно-музыкальные вечера с участием Вениамина Каверина, Аркадия Первенцева, Виталия Бианки, Лили и Осипа Брик, Арама Хачатуряна, Давида Ойстраха.

Музей Кузьмина - ул.Сибирская, 11

На улице Сибирской расположена еще одна библиотека – детская им. Л.И. Кузьмина. Сюда непременно следует зайти, т.к. здесь находится музей Льва Кузьмина. Мы хорошо знаем и любим литературных героев его книг: Митю Кукина, капитана Коко, Звездочета.

Стоял на горке старый дом.
А в доме жил Сверчок -
Простецкий сельский музыкант,
Малютка мужичок.

Однажды хлынул сильный дождь,
Ударил страшный гром,
И развалился у Сверчка
На горке старый дом.

Но музыкант Сверчок сказал:
- Не дело унывать...
Была бы скрипочка,
А с ней
Найду, где ночевать.

И вот к Ежу стучится он:
- Открой, сосед! Беда!
Я без пристанища теперь
Остался навсегда.

Открой скорей, приятель, дверь!
Согреться я хочу.
А за ночлег и за тепло
Игрою заплачу...

Еж говорит: - Да я и так
Готов тебе помочь!
Играть не надо.
На печи
Спокойно спи всю ночь.

- Ах, что ты! Я же обещал! -
Одно твердит Сверчок,
И в угол сел, и в лапку взял
Малюсенький смычок.

И - заиграл...
Но инструмент
Не пел, а лишь скрипел.
Ведь по-другому то Сверчок
Играть и не умел.

Но был он честен!
И пока
Хозяин не уснул,
Он все пиликал в уголке,
Все - скрип да скрип - тянул...

Когда-нибудь, друзья мои,
Ненастною порой
Он убаюкает и вас
Чуть слышною игрой;

Но обижаться на него - не надо!
Ведь Сверчок
Из паутинок сделал сам
Незвонкий свой смычок.

Он сам травинки собирал
Для скрипки по лугам.
И эту песенку играть
Учился тоже - сам.

Лев Кузьмин. Сверчок

10

«Семиэтажка»- ул.Сибирская, 9

На пересечении улиц Сибирской и Советской находится гостиница «Центральная». Это ее официальное название, для нас более привычно другое - «Семиэтажка». Это историческое место. В годы ВОВ здесь жил и работал цвет российской культуры: Арам Хачатурян писал музыку к балету «Гаянэ», премьера которого состоялась 9 декабря 1942 года на сцене городского театра, Сергей Прокопьев работал над балетом «Золушка», Мариан Коваль над операми «Емельян Пугачев» и «Севастопольцы». В «Семиэтаже» Юрий Тынянов написал рассказы «Красная шапка» и «Гражданин Очер», Вениамин Каверин - несколько глав романа «Два капитана», Аркадий Первенцев роман «Испытание», Елизавета Полонская, Анатолий Д Актиль писали стихи, а также тексты для мастерской сатирического плаката

На молотовских солнечных панелях
Нас можно распознать издалека –
Как будто бесконечные века
Мы провели, запрященные в щелях.
Таких от нас потребовала сил,
Циничная и наглая блокада,
Что, оглядев, вчера меня спросил
Случайный встречный: «Вы из Ленинграда?»
Да. Из того железного кольца,
Которым сдавлен город трехмиллионный.
Из ночи без начала и конца –
Холодной и тревожной и бессонной.

Из тех краев, где серый горизонт
Зарницами снарядами распорот.
И где географическое: город
Звучит, как стратегическое: фронт.
На наших лицах бледная усталость –
Тяжелых дней тяжелая цена.
И дружеская помощь нам нужна.
Но скажем твердо: помощь, а не жалость.
Знамен не опустившие бойцы,
Своим исконным мужеством богаты,
Мы – беженцы? Нет, нет! Мы делегаты.
Мы города великие гонцы...

А.Д Актиль. Ленинградцы.
Пермь, 1942

В «Семиэтажке» в 1947 году Вера Панова работала над романом «Кружилиха» (в названии которого легко угадывается «Мотовилиха»), здесь она узнала о присуждении ей Сталинской премии за повесть «Спутники», также написанной в Перми.

И если бы сегодня рассматривался вопрос о создании в Перми литературного музея, то лучшего здания для него, чем «Семиэтажка», трудно было бы предложить.

Королевские номера - ул. Сибирская, 5

11

На улице Сибирской находилась еще одна гостиница – «Королевские номера».

В 1928 году ее постояльцем был Владимир Маяковский, приехавший в город на встречу с читателями. Пермь была интересна Маяковскому: здесь провел свои детские годы его друг – футурист Василий Каменский. Здесь была столь любимая Каменским Кама: «Ах, эта Кама! Единственная, как солнце, любимая река, мою мать заменившая: она светила, грела, утешала, призывала, дарила, забавляла, катала, волновала, купала, учила. И маленькому сыну своему обещала гуще прибавить крепких, здоровых, привольных дней, чтобы вырос он ядреным, толковым парнем», - писал Каменский.

Набережный сад - сквер Решетникова

Кама всегда была местом притяжения жителей города и его гостей. Спускаясь по улице Сибирской, они непременно приходили сюда, в Набережный сад, сегодня это сквер Решетникова (краеведы до сих пор спорят, в честь какого Решетникова назван сквер – писателя Федора Михайловича или первого председателя Пермского городского Совета Василия Ивановича). С этой высокой точки города открывался великолепный вид на реку. Отсюда любовался Камой Жуковский, здесь любили бывать Герцен и Короленко, это было любимое место Мельникова-Печерского и Осоргина. Отсюда пермяки в 1911 году могли наблюдать за полетами Василия Каменского на аэроплане Блерио. У этого сквера интереснейшая история, но это тема уже другой экскурсии.

Путешествовать по Перми, заново открывая для себя город, очень интересно. Возможно, в следующий раз для прогулки вы выберете улицу Монастырскую или Ленина (Покровскую), Екатерининскую или Пушкина, захотите подняться вверх по Сибирской до парка Горького (Загородного сада) или пройти по городу вместе с томиком стихов Владимира Лаврентьева, Владимира Котельникова, Владимира Радкевича. А еще есть Пермь Осоргина, Пастернака, Каменского, Гайдара, Давыдычева. В разработке маршрута вам сможет помочь литературная карта Перми.

**До встречи в новых литературных
путешествиях!**

